DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-5-182-192

Освоить бы накопленное[1]

В. Н. БОГАЧЁВ, доктор экономических наук, Москва

Аннотация. Выдающийся советский экономист В. Н. Богачев направлял работу журнала «ЭКО» с самых первых дней. Под его влиянием сложились стиль и направленность наших публикаций. Данная статья является перепечаткой (с небольшими сокращениями) его эссе из № 6 «ЭКО» за 1989 г. На наш взгляд, этот материал прекрасно передает дух полемики того перестроечного времени между учеными, размышлявшими над вопросом, куда и как направить развитие экономики и общества нашей страны. Виктор Николаевич в присущей ему язвительной манере критиковал экономическую безграмотность властей, принимавших абсурдные решения в области ценообразования и политики доходов, и рассуждал о фундаментальных проблемах, актуальность которых со временем парадоксальным образом не притупляется, а становится все острее и болезненнее. По глубине понимания сильных и слабых сторон современной ему экономической науки В. Н. Богачев опережал многих своих современников. Не случайно он призывал проявлять разумную сдержанность в импорте «передовых» идей западного экономического либерализма и в то же время требовал полноценного, комплексного использования всего богатства наследия классиков – К. Векселя и Р. Хоутри, Дж. Кейнса и М. Фридмана. В предлагаемой статье нашли отражение многие идеи этого замечательного экономиста и организатора.
Ключевые слова: эластичность спроса; эффективность производств и видов деятельности; социальные эксперименты; бюрократия; перестройка; напряженность общественных отношений

Не мною и не теперь подмечено: русская интеллигенция поразительно беспечна в отношении своей главной обязанности – учения. Достижения западной мысли она воспринимает на уровне формул и лозунгов, игнорируя культурно-исторический контекст и концептуальную целостность, вне которой социальные идеи становятся газетной трухой. Всё прочитанное торопливо сортируется на полезное и утилитарно малоценное; последнее немедленно вычёркивается из конспектов (а в голове оно и не задерживалось). Тщательно культивируемая полуобразованность не может найти иного выхода, как в немедленном практическом действии типа метания бомб, составление преобразующих прожектов либо изобретение химерических областей социального исследования, дабы избежать усилий, потребных для овладения положительным содержанием науки.

У марксистски мыслящего обществоведа, казалось бы, нет иной заботы, как понять устройство и способ функционирования

[1] Перепечатано с сокращениями. Полный текст см.: ЭКО. 1989. № 6. С. 119-133.

окружающей его социальной среды. Но нет, не отягощенный балластом культурных традиций, он воспаряет над сформировавшим его обществом, чтобы учредить – наконец-то! – надлежащее управление социальным развитием. Чем менее прожектер осознает свою инструментальную роль, тем точнее сочиняемые им реформы соответствуют целям сохранения сложившихся социальных структур.

Отчаянный волюнтаризм советского обществоведения, его безоглядная готовность сконструировать любое должное и открыть зримые черты идеала в любом сущем коренятся, видимо, в уникальных особенностях нашей истории.

Некая доза волюнтаризма – неотъемлемый элемент революционности. Большевистская революция произошла не по правилам, но она исторически оправданна уже тем, что произошла и устояла. Когда общество зашло в патовую ситуацию, остается единственный исход: встряхнуть материал на доске, чтобы оживить позицию. Насколько новое расположение фигур отвечает исторической потребности – это будет видно из дальнейшего, когда игра возобновится по естественным правилам. Бывало, что великие революции, провозгласив захватывающие дух цели, достигали удручающе умеренных результатов, бывало, что результаты совпадали с чаяниями, а случалось и так, что контрреволюция отбрасывала общество назад, за черту предреволюционного состояния.

Это последняя и худшая участь нас минула. Но уж очень слабо была подготовлена Россия к органической эволюции по пути к социализму. Скоротечная фаза нэпа была пресечена насильственной коллективизацией. Форсированная, ни с какими экономическими законами несообразная индустриализация снабдила страну техническими средствами ведения войны. «Победителей не судят», и революционно-насильственный способ воздействия на общественное развитие стал синонимом социализма.

Но по мере удаления от перманентно критической обстановки 30-х – 40-х годов экзогенное воздействие на общество становилось всё более мелочным, случайным, карикатурным по результатам. Навязываемые обществу схемы и программы развития формально вроде бы реализовывались. Но достигалось это ценой извращения и подмены интересов ведущих социальных сил, манипулирования далеко не высшими инстинктами человеческой натуры, и результирующий вектор оказался если

не отрицательным, то уж во всяком случае направленным куда-то не туда.

В ажиотаже социального экспериментаторства обществоведение естественным образом превратилось из науки в шаманство. П. Г. Олдак[2] клеймит «циничных апологетов и аллилуйщиков». Но ведь эти роли обязательны в любой идеологической пьесе, «теоретическое обоснование» насильственных преобразований не обойдется без возжигания паникадил и провозглашения сакральных формул. А циничны или искренни ритуальные служки – это уже вопрос психологии…

Ключевое слово рационального миропонимания – «нельзя»: нельзя превзойти скорость света, неосуществим вечный двигатель, невозможен «чистый экономический излишек». Но не тогда, когда государственная власть мнит себя творцом действительности, натаскивая науку на амплуа высококлассного иллюзиониста.

Конец чрезвычайщины?

Среди многих попыток отобразить краткой формулой содержание переживаемых перемен имеет, видимо, свои резоны и такая: перестройка – это возвращение советского общества к самому себе, к естественной эволюции на началах самоорганизации… Драматизм нынешней ситуации обусловлен именно сбоем нормального ритма, четвертьвековым провалом в естественной последовательности событий.

Если бы хрущёвские попытки обновления не завершились критикой личностей, а получили позитивное продолжение в усилиях по формированию институтов и процедур народовластия, по развязыванию самоуправленческих инициатив в хозяйственной, административно-правовой, культурной и политической сферах, тогда, очевидно, не было бы и эпохи застоя. Но дело ограничилось поверхностными пустяками. Было провозглашено перерастание диктатуры пролетариата в общенародное государство, но сохранились отношения «директивных органов» к обществу как управляющей инстанции к «внеположенному» объекту управления. Продолженная за пределы исторических сроков, когда политическое насилие оправданно, эта система отчужденной

[2] *Олдак П. Г.* Политическая экономия социализма на новом рубеже // ЭКО. 1988. № 4. С. 3–22.

власти мало-помалу приобретала антиобщественную направленность. Субъективно нарастание неуправляемости экономического и социального развития воспринято многими как крах самой идеи социализма. Скандально знаменитые «пышные пироги» за кордоном, призывы к немедленной утрате идеологической невинности (прямо вот так, без партнёра?) как обязательной цене за материальный достаток и духовное выздоровление, крайний меркантилизм… и, главное, необычайная популярность всех этих «рецептов оздоровления» экономики,.. – грозные признаки общественного разочарования в плодотворности пройденного пути.

Расстановка социальных сил, определяющая содержание и ход перестройки, носит неустоявшийся, размытый характер, она крайне противоречива и в общем не вполне благоприятна. В высших эшелонах политического руководства складывается понимание неэффективности и невозможности управлять обществом без общества и помимо хорошо отлаженных самоуправленческих механизмов. Но аппарат управления не приспособлен к координации самоуправляющихся общественных институтов или к каким-либо формам взаимодействия с ними. Он сконструирован как приводной ремень, передающий сигналы и усилия лишь в одном направлении.

Взаимодействие политического руководства с непосредственным производством (да и вообще с действительной жизнью) расстроено. Решения стратегического характера достигают адресатов в усеченном или искаженном виде. К примеру, полный хозрасчет воспринимается на местах не как объективный, беспристрастный механизм отбраковки перекормленных, ненужных, неэффективных производств и видов деятельности, не как естественный способ привлечения ресурсов к местам их наиболее продуктивного применения, а как повод к увеличению денежных оборотов и заработков, что лишь укрепляет затратно-инфляционное хозяйствование. С другой стороны, тенденции к хозяйственной самоорганизации вязнут в слабосильных управленческих трясинах.

Впрочем, эти тенденции не так сильны, как хотелось бы. Налаживание тонкой, многослойной и обширной сети хозяйственных отношений – дело кропотливое и длительное, усложняемое ещё и отвычкой от самостоятельных решений и ответственных действий. Между тем объявленная сверху революция настраивает

на немедленный и решительный успех. В него не верят, но его ждут.

А тут ещё народные витии. Когда и как это сложилось – теперь уж и не разобрать, но только репутация писателя или публициста прочно связана с тем, «выездной» он или нет. Кто не завсегдатай Очард-стрит или хотя бы Центрум Арухаз, тому и нет веры ни в политике, ни в экономике. Односторонность штудий по свободным рыночным экономикам порождает чудовищные мифы о составе дрожжей, на которых всходят пышные пироги. Вольный рынок, свободное ценообразование, необузданный материальный интерес – всё это пропагандируется «почти из первых рук» как последний, но теперь-то уж, безусловно, верный шанс на спасение.

Итого: унылая надежда на чудо, имеющее быть дарованным сверху, былинная нерасторопность в использовании расширяющихся возможностей демократического воздействия на ход хозяйственных дел (за три года народ не организовался даже в общество потребителей – простейшую форму для демократического контроля производства и распределения), безответственная пропаганда экономических форм, либо вовсе не существующих, либо совершенно не подходящих для экономики, из которой шесть десятилетий вытравливались принципы здравомысленной и цивилизованной коммерции, – всё это грозит превратить перестройку в очередную бездумную кампанию всеобщей арендации, акционеризации или чего-нибудь еще.

Вот пример противоборства между кампанейским доктринерством и здравым смыслом. Средствам массовой информации всё труднее сдерживать раздражение и возмущение по поводу кооперативных бесчинств, приобретающих опасный размах по мере усовершенствования теневых форм смычки кооператоров с предприятиями госсектора. Удивляться такому повороту событий не надо. Мы так сильно пропагандировали бесчеловечную и антинародную природу европейской и североамериканской цивилизации, что себя-то уж полностью убедили. Поэтому когда рыночные отношения были объявлены источником эффективности, новоявленные коммерсанты придали своей деятельности открыто разбойный характер.

В постоянно цитируемой формуле «строй цивилизованных кооператоров» ключевым словом является, конечно же, «цивилизованных». В кооперировании «всего населения» Ленин

усматривал не самоцель, а продиктованное условиями начала двадцатых годов средство преодоления культурной отсталости страны. Кооперирование – это способ произвести «целый переворот», вступить в эпоху «культурного развития всей народной массы»[3]. После революции и завоевания власти центр тяжести переносится на «мирную организационную культурную работу», и именно в этом состоит «коренная перемена всей точки зрения нашей на социализм»[4].

Но если злоба дня и теперь состоит в мирной организационной эволюции, в формировании социалистической цивилизованности, то следует ли отсюда, что надо непременно вернуться к социально-экономической ситуации весны 1923 г.? Тогда было мелкокрестьянское море, теперь его нет. Из инфраструктурных систем, требующих централизованного общенародного управления, тогда были только железные дороги и телеграф, теперь их намного больше. Всерьёз намереваясь вступить в органическую эволюционную фазу социалистического развития, не правильнее ли исходить из теперешних социальной структуры общества, производительных сил, экономических отношений?..

Только ли бюрократы?

Конституирующая основа социализма – общенародная собственность на условия и средства производства. Ее отчужденные, казённые формы себя изжили. Утратив исторические оправдания, система адресного распределительства выродилась в корпорации ленивых и лукавых приказчиков при отсутствующем хозяине... в условную эмблему. Центральная хозяйственная власть, изолированная от своей социальной базы, деградирует, реальные полномочия переходят к исполнителям, ориентированным преимущественно на присвоение, так что собственно производственная деятельность низводится до формальных правил и оценочных шкал, регулирующих распределение.

Публицистический критицизм, нацеленный на «чрезмерную централизацию», не желает иметь дело с фактами: хозяйство наше централизованно не управляемо. Институты центральной хозяйственной власти превратились в зашторeные от публики ристалища,

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372.
[4] Там же. С. 376.

где отраслевые технократии кромсают общественные ресурсы, освящая групповые интересы как задачи государственные…

Социализм пытается пока что не столько сформировать собственные механизмы хозяйствования, сколько приспособить к своим целям прежние регуляторы и мотивации экономической активности. Присмотримся к опыту стран, продвинувшихся дальше всех по пути децентрализаторских реформ, например, Венгрии и Югославии. Этот опыт, в том числе и негативные его черты, заслуживает внимания, поскольку формируемый у нас хозяйственный механизм, а также умонастроения идеологов обрекают и нашу страну на воспроизведение ряда черт их практики: самовластие лиц и коллективов, которым по форме лишь доверено распоряжение соответствующими частицами общественного достояния, но которые за отсутствием хозяйского контроля используют их в своекорыстных и антиобщественных целях, массированное давление на зарплату и доходы, формируемые из прибыли, более или менее бурная инфляция, не стимулирующая хозяйственной рост, а маскирующая его отсутствие, напряженность общественных отношений на почве всеобщего ажиотажа вокруг проблем распределения…

Рынок может быть инструментом демократического управления производством или второстепенной деталью в механизмах рационирования в зависимости от того, каково соотношение денежного спроса и товарного предложения в целом по хозяйству. При нынешнем ярко выраженном «рынке продавцов» нечего и думать о свободном варьировании производственных факторов в целях достижения минимума денежных издержек. Кроме того, структура цен вовсе не гарантирует, что этот минимум совпадает с действительным минимумом затрат общественного труда. Если сфера рационализации производственных решений закрыта, единственным путем, где может проявить себя коммерческий интерес, остаётся спекуляция – произвольное повышение цен под предлогом разного рода псевдообновлений либо одностороннее наполнение программы дорогостоящим ассортиментом…

Сложившийся стиль хозяйствования формирует и массовые социально-экономические интересы, способствующие поддержанию и усилению этой порочной спирали. Только «общество в целом» страдает от дефицитов и нарастающей дороговизны; отдельные же профессиональные и социальные группы

(за исключением, может быть, пионеров и пенсионеров) имеют те или иных компенсации, доступ к которым обусловлен их заинтересованностью в сохранении затратно-инфляционной экономики…

Можно надеяться, что Советский Союз быстрее своих восточноевропейских собратьев преодолеет эту люмпенски-присвоительную фазу социально-экономической эволюции. Сознание надвигающейся национальной беды, угроза скатиться в водоворот слаборазвитости должны побудить народ к осознанию солидарной ответственности за судьбы страны и революции, к разрешению ведомственной корпоративности во имя общенародного самоуправления. Добиться этого указом или внешними стимулами нельзя, как нельзя преодолеть застой, пока живут иллюзии, будто его причины в неповоротливости властей или недостаточной компетентности советников. Перестройка выйдет на широкую дорогу, как только народ примет на себя права и обязанности суверенного хозяина. Только тогда, кстати, возникнет и нужда в экономической науке.

А что за душой?

Истекающее четырехлетие[5] было периодом, когда экономической науке в нашей стране доверяли больше, чем когда бы то ни было. Экономисты не менее ответственны за успехи и неудачи перестройки, чем политики. Успешно ли выдержан экзамен? Увы, сделаны непростительные ошибки.

С социально-экономическим анализом в духе марксистских традиций дело обстоит неважно, что видно хотя бы из непостижимого многообразия объяснений причин и природы прямых деформаций социализма.

Оценим с позиций недвусмысленных положений формализованных разделов теории некоторые из мероприятий и решений, осуществленных или принятых за последнее время.

Антиалкогольная кампания имела экономической основой существенное повышение цен на спиртное. Было бы, конечно, вздорной придиркой упрекать теоретика-экономиста в том, что он не предвидел последствий, сказавшихся на рынке сахара. Ещё в 1920-е годы О. Бендер предлагал американцам 150 рецептов

[5] Имеется в виду период 1986–1989 гг.

изготовления самогона; с тех пор список исходных материалов расширился.

Но алкоголь – это азбучный пример неэластичных товаров. Следовательно, с повышением цены пить меньше не станут, будут меньше закусывать и меньше приносить домой. Значит, если целью является народное здоровье, в числе средств не может присутствовать повышение цены водки и вина. Какое именно последствие вызовет вздорожание водки – токсикоманию или потребление суррогатов – этого заранее знать нельзя и не нужно, поскольку общий принцип известен: дорогой алкоголь – враг народного здоровья. Кто из экономистов указал на неправильность включения в арсенал антиалкогольных мер ценовых манипуляций? Обратный путь длинен и труден, поскольку многие успели овладеть «высокой технологией» приготовления недорогих домашних напитков.

Раз уж затронуто понятие эластичности спроса, напрашивается комментарий к еще одному решению, принятому в начале 1988 г. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» предусматривается введение платежей из прибыли предприятий соответственно объему загрязняющих выбросов. Замысел ясен: предприятие будет стремиться сокращать размеры выбросов, ибо за них надо платить. Но в какой мере налоги, уплачиваемые торговцем, могут быть переложены на конечного покупателя? Теория вопроса предельно проста: продавец перелагает на покупателя тем большую долю уплачиваемого налога, чем менее эластичен спрос на товар. Главные загрязнители – нефтехимия, энергетика и сельское хозяйство – выпускают очень неэластичные продукты. «Экономические» методы управления природоохранной деятельностью приведут в этих отраслях к тому, что потребитель оплатит всё: и штрафы, налагаемые на производителя за неаккуратное обращение со средой, и падение продуктивности природных средств производства, которыми он пользуется. А производители, думается, сумеют избежать чувствительных финансовых санкций за антиобщественное природопользование.

Пересмотр розничных цен на продукцию животноводства предполагалось компенсировать населению в размере выплачиваемой ныне дотации или, может быть, в несколько меньшем размере, если новые розничные цены не достигнут фактической

средней себестоимости соответствующих продуктов. В последнем случае неясен руководящий принцип реформы розничных цен: если допустим и желателен уровень розничной цены, составляющий 80% себестоимости, то что плохого в ценах, равных лишь 40% денежных издержек производства?

Денежная компенсация приведет к росту заработной платы и работников сельского хозяйства. Подорожают, кроме того, все элементы материальных затрат сельскохозяйственного производства. Где гарантия, что при новом номинале цен и издержек себестоимость мясомолочной продукции останется в пределах новой цены?

Выходит, проектируемая реформа – дело не столько Госкомцен и Минфина, сколько Госагропрома: на нём лежит ответственность удержать себестоимость мясомолочной продукции внутри границ, определяемых новой розничной ценой. Для этого требуется снизить реальные затраты – труда, кормов, энергии и т.п. Но если такие резервы имеются, почему бы их не задействовать: глядишь, разрыв между себестоимостью и ценой окажется не таким уж драматическим?..

Другая, не менее важная проблема организации хозрасчета…– финансовое оздоровление народного хозяйства… Подчас оно отождествляется с ликвидацией бюджетного дефицита. Но дефицитное бюджетное финансирование может быть и элементом разумной денежной политики (если совокупный спрос хозяйств и населения недостаточен для полной загрузки производственных ресурсов). Задача состоит в овладении всем арсеналом средств кредитно-денежной и бюджетной политики.

Мы к этому совершенно не готовы. У нас нет даже органа, которому можно было бы вменить исключительную ответственность за состояние денежного обращения в стране. Государственный банк, выполняя функции эмиссионного, кассового и расчётного центра, не располагает экономическими инструментами регулирования кредитной деятельности банковской системы…

Весь мир после кризиса 1929–1933 гг. живёт в условиях таких же бумажных денег, какими пользуемся мы. Но передовые западные экономисты разработали довольно тонкую и эффективную технику контроля и управления совокупной денежной массой. У нас же отчаянные радикалы знают одно средство – денежную реформу. Это каменный топор, и с такими инструментами мы

собираемся регулировать механизмы экономического управления и самонастройки общественного производства?!

Между прочим, концепции «денежных» по преимуществу экономистов – К. Викселя и Р. Хоутри, Дж. Кейнса и М. Фридмана – отличаются синтетическим характером, охватывают почти все области и разделы экономического анализа. Нам бы не только овладеть накопленным, но и переосмыслить достижения теории применительно к особенностям нашей экономики, чтобы продвинуть ее на рубежи организованности и эффективности, недостижимые для капитализма.

А экономисты тем временем выдумывают правила проведения семинаров и отбора рукописей для печати, формулируют критерии, с помощью которых научные институты можно сортировать по категориям оплаты (и продовольственного снабжения?)… Публицисты и социологи ищут корни бюрократии в нашем обществе. Похоже, топор-то под лавкой…

Summary

Bogachev, V.N., *Doctor of Economics Sciences, Moscow*

We'd Better Develop what We've Got

Abstract. An outstanding Soviet economist V.N. Bogachev, would have been 90 this year. He managed the "ECO" journal from the very beginning of its publication. He influenced the style and forged the orientation of the journal publications. This article is a reprint (with some abridgement) of his article from the 6th issue of "ECO" of 1989. It is remarkable in conveying the spirit of polemics of that perestroika time between scientists who pondered the question of where and how to direct the development of the economy and the society of the Soviet Union. Viktor Nikolaevich thought about specific issues, sharply and even sarcastically criticizing the economic illiteracy of the authorities, who made absurd decisions on price and income policy, and about fundamental problems, the relevance of which, paradoxically, has not faded with time, but is becoming ever more acute and painful. Being ahead of many of his contemporaries in understanding the strengths and weaknesses of the economic science, he called for reasonable restraint in the import of "advanced" ideas of Western economic liberalism and at the same time demanded a full, integrated use of the Russian economic science with its rich heritage of such classics as K. Veksel and R. Houtri, J.M. Keynes and M. riedman. This article reflects many thoughts of this great economist.

Keywords: *elasticity of demand; efficiency of production and activities; social experiments; bureaucracy; perestroika; tension of social relations*